

УДК 316.614.4

ЛИЧНОСТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ АДАПТИРОВАННОСТЬ КАК РЕСУРС ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К РИСКУ

И. В. Арендачук

Арендачук Ирина Васильевна - кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: arend-irina@yandex.ru

Содержательно проанализированы понятия личностного потенциала и социально-психологической адаптации в соотношении с психологической готовностью личности к риску в юношеском возрасте. Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборке студентов, обучающихся в вузах г. Саратова - государственном университете им. Н. Г. Чернышевского и государственном медицинском университете им. В. И. Разумовского ($N = 77$; возраст 19-22 лет). Использовались методики: «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25, Т. В. Корниловой), «Диагностика социально-психической адаптации» (К. Роджерса, Р. Даймонда), «Тест диспозиционного оптимизма» (М. Шейера, Ч. Карвера, а адаптации Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина), «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, в адаптации Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой), «Шкала общей толерантности к неопределенности» (Д. МакЛейна, в адаптации Е. Н. Осина), «Опросник самоорганизации деятельности» (Е. Ю. Мандриковой). Проанализированы различия в показателях личностного потенциала и социально-психологической адаптированности юношей в зависимости от уровня их готовности к риску. Показано, что психологическими ресурсами готовности студентов к риску выступают структурные компоненты их личностного потенциала и социально-психологической адаптации. Прикладной аспект исследуемой проблемы может быть реализован в учебно-воспитательном процессе высшей школы, в психолого-педагогическом сопровождении личностного и профессионального развития студентов.

Ключевые слова: личностный потенциал, социально-психологическая адаптация, психологическая готовность к риску, психологические ресурсы личности.

DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-219-226

Введение

Проблема психологической готовности к риску рассматривается в современных психологических исследованиях, как минимум, в двух аспектах - в контексте теории принятия решений, разрабатываемой Т. В. Корниловой, и во взаимосвязи с субъектной активностью человека в процессе осознания ситуаций неопределенности и принятия ответственности за результат собственных действий (В. А. Петровский, А. В. Вайнер, Е. Е. Бочарова и др.). Вместе с тем растет научный интерес исследователей к проблеме личностного потенциала, который рассматривается как с позиции его структурных составляющих,

определяющих динамические свойства личности, позволяющие ей сохранять внутреннюю цельность и устойчивость в разнообразных ситуациях жизнедеятельности (Д. А. Леонтьев, О. Е. Дергачева, Е. Ю. Мандрикова, Л. А. Александрова, Е. Н. Осин), так и в русле проблемы преодоления стрессовых и экстремальных факторов, где личностный потенциал, проявляющийся в процессах самодетерминации личности, определяется как система ее ресурсов - индивидуально-личностных, интеллектуальных, волевых, адаптационных (Т. В. Корнилова, Л. А. Александрова, А. Г. Маклаков, С. Л. Соловьева и др.).

Если рассматривать психологическую готовность к риску как показатель силы личности и ее направленности на осуществление выбора и активное использование своих адаптационных возможностей в ситуациях неопределенности, то актуализируется и вопрос о том, каким образом она связана с характеристиками личностного потенциала и социально-психологической адаптированности личности.

Теоретический анализ проблемы

В современных психологических исследованиях понятие «ресурсы» рассматривается в рамках изучения проблемы психологического стресса и стратегий совладающего поведения личности. Так, в определении автора ресурсной концепции стресса С. Хобфолла, личностные ресурсы - это фундаментальные компоненты индивидуальной способности к адаптации в сложных жизненных ситуациях. В стрессовых ситуациях ресурсы помогают человеку выстоять, сохраняя силу и решительность, продолжая развиваться и добиваться поставленных целей [1]. От ресурсов личности зависит способность человека сохранять стабильность и целостность в различных ситуациях, именно поэтому они определяются как способность переживать, переносить и интегрировать в свою картину мира сильные воздействия, сохранять ощущение жизненной силы [2, с. 45].

С. Л. Соловьева на основе анализа ряда работ зарубежных и отечественных исследователей определяет психологические ресурсы как качества человека, позволяющие ему более эффективно действовать и добиваться успеха, преодолевать стрессы и справляться с жизненными трудностями [3].

Отмечая общий для всех определений акцент на жизненных трудностях, в которых активизируются психологические ресурсы, отметим, что и все ситуации, связанные с риском, воспринимаются человеком именно как жизненные трудности, требующие активной деятельности по их разрешению. И в этой связи представляет интерес точка зрения Г. А. Виноградова и Т. П. Шаилова, которые говорят о психологических ресурсах личности как совокупности важнейших ее качеств, значимых для выполнения какой-либо деятельности, позволяющих эффективно справиться с требованиями среды, разумно решать проблемы, сложные жизненные задачи и достигать цели [4, с. 1482].

В ситуации риска (при неопределенных, превышающих возможности человека условиях жизнедеятельности) психологические ресурсы личности активизируются и позволяют понять, что именно следует сделать для того, чтобы справиться с ней. Степень этой активности определяется ее готовностью к риску, которая «формируется на различных уровнях психической организации личности, предполагает наличие способности к саморегуляции и когнитивному поиску решения» [5, с. 1723] и направлена на достижение субъективного благополучия, которое «выступает как некоторый "сдерживающий" фактор проявления стремления к риску» [6, с. 62].

Психологическую готовность личности к риску можно рассматривать как направленность личности на реализацию модели снятия неопределенности «способом практического разрешения противоречия при альтернативном развитии противоположных тенденций в конкретных обстоятельствах» [7, с. 157]. С одной стороны, это «актуализация специфичной активности человека в ситуации выбора, саморегуляция в реализации им рискованных решений или действий» [7, с. 159]; в более частном рассмотрении - это соотношение его собственных возможностей (интеллектуально-личностного потенциала) с ситуацией для определения способов действий, направленных на достижение приемлемого результата.

Таким образом, понятие психологической готовности к риску соотносится с понятием «личностный потенциал», который по определению Д. А. Леонтьева представляет собой интегральную системную характеристику индивидуально-психологических особенностей личности, лежащих в основе ее способности «исходить из устойчивых внутренних критериев и ориентиров в своей жизнедеятельности и сохранять стабильность смысловых ориентаций и эффективность деятельности на фоне давлений и изменяющихся внешних условий <...> выступать автономным саморегулируемым субъектом активности, оказывающим целенаправленные изменения во внешнем мире и сочетающим устойчивость к воздействию внешних обстоятельств и гибкое реагирование на

изменение внешней и внутренней ситуации» [8, с. 8]. В этом контексте готовность к выбору может рассматриваться как «способность личности делать значимые выборы осознанно, самостоятельно, с осмыслением возможных последствий и принятием на себя ответственности и риска» [9, с. 513], она «определяется такими ключевыми характеристиками личностного потенциала, как жизнестойкость, локус казуальности, самодетерминация, толерантность к неопределенности, витальность и самоэффективность», которые «отражают склонность личности принимать риск и искать основание для принятия решения в самой себе, а не следовать внешним "подсказкам" и не стремиться уйти от выбора вообще» [9, с. 514].

В качестве психологических ресурсов личности, определяющих характер ее восприятия жизненных трудностей и факторов риска, можно выделить и такие составляющие личностного потенциала, как оптимизм и способность к самоорганизации деятельности. Так, оптимизм позитивно коррелирует с использованием активных, деятельных способов преодоления трудностей [10, с. 143], а способность к самоорганизации и саморегуляции деятельности посредством структурирования личного времени, построения планов и целеполагания определяют характер деятельности личности [11, с. 97], а значит - гибкость в принятии решения и адекватность деятельности в ситуациях риска.

Однако личностный потенциал включает не только «потенциальное личности <...> но и систему постоянно возобновляемых и умножаемых ресурсов - интеллектуальных, психологических, волевых» [12, с. 98], и поэтому можно сделать предположение, что его структурные составляющие как отдельно, так и в комплексе могут сами выступать психологическими ресурсами личности, определяющим ее готовность к риску и принятию решений в ситуациях риска.

Психологические ресурсы личности также играют важную роль в адаптации к жизненным трудностям, так как они опосредуют воздействие угрожающих факторов на сознание и поведение человека. По мнению Л. А. Александровой, ресурсы человека - это все то, что он использует, чтобы удовлетворять требованиям среды и принимать вызовы жизни, они образуют реальный потенциал для успешной адаптации к неблагоприятным жизненным событиям, и даже простое их наличие обеспечивает адаптивную функцию: они придают человеку уверенность, поддерживают его самоидентичность, подкрепляют самоуважение [13, с. 550]. И поскольку ситуации риска предъявляют повышенные требования к адапционным ресурсам человека, можно допустить, что чем выше уровень их сформированности, тем выше готовность личности к принятию риска и к реализации осознанного контроля над их преобразованием.

Организация и методы исследования

С целью проверки выдвинутых гипотез, а также поиска ответа на вопросы о том, можно ли рассматривать характеристики личностного потенциала и социально-психологической адаптированности в качестве психологических ресурсов готовности личности к риску, и какова степень взаимосвязи между ними, было проведено эмпирическое исследование. В нем приняли участие 77 студентов в возрасте 19-22 лет, обучающихся в вузах г. Саратова (государственный университет им. Н. Г. Чернышевского и государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского). Использовались методики: «Личностные факторы принятия решений» (ЛФР-25 Т. В. Корниловой), «Диагностика социально-психической адаптации» (К. Роджерса, Р. Даймонда), «Тест диспозиционного оптимизма» (М. Шейера, Ч. Карвера, адаптация Т. О. Гордеевой, О. А. Сычева и Е. Н. Осина), «Тест жизнестойкости» (С. Мадди, адаптация Д. А. Леонтьева и Е. И. Рассказовой), «Шкала общей толерантности к неопределенности» (Д. МакЛейна, модификация Е. Н. Осина), «Опросник самоорганизации деятельности» (Е. Ю. Мандриковой). Сравнительный анализ данных осуществлялся с помощью *t*-критерия Стьюдента; наличие взаимосвязей между исследуемыми переменными и их направленность определялись в процессе корреляционного анализа по коэффициенту Пирсона. Для классификации изученных признаков по степени сходства использовался кластерный анализ агломеративным методом последовательной иерархической кластеризации (правило объединения - одиночная связь; мера различия или сходства - евклидова метрика, так как кластеризуемые переменные измерялись в одготипных шкалах).

Анализ и обсуждение результатов исследования

Структурные особенности личностного потенциала и характеристики социально-психологической адаптации студентов изучались в зависимости от уровня их готовности к риску (по тесту ЛФР-25 Т. В. Корниловой). В процессе исследования были выявлены две группы студентов: в первую вошли 47 человек, у которых был диагностирован средний уровень готовности к риску ($1,61 \pm 0,79$; P_{50-70}); вторую группу составили 30 студентов с высоким уровнем ($4,89 \pm 0,90$; P_{75-80}) ($t = -11.64, p = 0,001$); в показателях рациональности значимых различий выявлено не было.

Относительно компонентов, входящих в структуру личностного потенциала студентов, исследование показало значимые различия ($p < 0,05$) по показателям: «принятие риска» в структуре жизнестойкости, «планомерность», «настойчи-

вость» и «фиксация» в структуре самоорганизации деятельности, которые больше выражены в группе студентов с высоким уровнем готовности к риску. Менее значимые различия ($p < 0,1$) выявлены по показателям: диспозиционного оптимизма «преобладающие ожидания», самоорганизации деятельности «ориентация на настоящее» и толерантности к неопределенности «толерантность/избегание неопределенности», они более выражены в группе студентов со средним уровнем готовности к риску (табл. 1).

В целом в выборке студентов нормативно выражены (в сравнении с тестовыми нормами) показатели жизнестойкости, диспозиционного оптимизма и самоорганизации деятельности (у студентов с высоким уровнем готовности к риску этот показатель приближен к верхней границе нормы). Показатели толерантности к неопределенности у всех студентов значительно ниже средних нормативных значений, что свидетельствует о том, что независимо от выраженности готовности к риску они в основном стремятся избегать незнакомых, сложных, изменчивых ситуаций, которые требуют нескольких принципиально различных интерпретаций и принятия конкретного решения.

Полученные данные позволяют говорить о том, что при высокой готовности к риску студенты воспринимают опасность не как угрозу, а как сложную задачу, как вызов и испытание себе лично, с которым они справляются путем планирования своих поступков и действий, упорядочивания своей активности приложением волевых усилий для завершения начатого дела в соответствии с запланированным, несмотря на то, что это придает некоторую ригидность их поведению и деятельности. При среднем уровне готовности к риску студенты более способны воспринимать себя и жизнь такими, каковы они есть здесь и сейчас, относиться к жизни в большей степени позитивно, а ситуации, связанные с риском, если их не удастся избежать, рассматривают как возможность приобретения опыта и развития за счет знаний, извлекаемых из него.

Корреляционный анализ, направленный на выявление взаимосвязи готовности личности к риску с показателями ее потенциала, выявил только пять значимых связей ($p < 0,05$): «готовность к риску» с «принятием риска» ($r = 0,56$); «планомерностью» ($r = 0,30$); «настойчивостью» ($r = 0,31$); «фиксацией» ($r = 0,40$) и «ориентацией на настоящее» ($r = -0,30$). Полученные результаты подтверждают сформулированные выше заключения о том, что чем выше уровень готовности студентов к риску, тем более они ориентированы на принятие ситуаций риска на основе планомерного подхода к их решению и менее ориентированы на настоящее как способ жизнедеятельности «здесь и теперь».

Таблица 1

Структурные компоненты личностного потенциала студентов в зависимости от уровня их готовности к риску

Показатели личностного потенциала	Уровень готовности к риску		t-критерий Стьюдента	p-уровень значимости
	Средний	Высокий		
Жизнестойкость	68,1 ± 12,8	70,1 ± 12,7	-0,47	0,641
Вовлеченность	32,8 ± 5,8	31,3 ± 7,8	0,62	0,537
Контроль	24,4 ± 7,1	22,2 ± 6,8	0,95	0,348
Принятие риска	11,0 ± 3,8	16,6 ± 2,7	-5,45	0,003
Диспозиционный оптимизм	24,1 ± 4,7	25,8 ± 4,4	-1,14	0,262
Позитивные ожидания	13,0 ± 2,2	13,1 ± 2,5	-0,18	0,855
Негативные ожидания	11,1 ± 3,6	12,7 ± 2,9	-1,50	0,141
Преобладающие ожидания	1,9 ± 3,6	0,5 ± 3,0	1,90	0,080
Самоорганизация деятельности	107,8 ± 22,5	118,8 ± 17,9	-1,72	0,093
Планомерность	13,5 ± 4,7	16,6 ± 4,9	-2,06	0,050
Целеустремленность	33,0 ± 7,4	32,5 ± 5,5	0,23	0,819
Настойчивость	19,9 ± 6,5	23,5 ± 4,9	-2,02	0,050
Фиксация	18,4 ± 3,8	23,3 ± 5,4	-3,01	0,004
Самоорганизация	11,0 ± 6,2	12,7 ± 5,8	-0,88	0,384
Ориентация на настоящее	12,0 ± 2,3	10,2 ± 3,0	1,99	0,053
Общий показатель толерантности к неопределенности	71,5 ± 15,8	70,9 ± 9,6	0,16	0,871
Отношение к новизне	5,4 ± 1,3	5,8 ± 0,9	-1,02	0,316
Отношение к сложным задачам	13,7 ± 3,5	13,6 ± 2,5	0,15	0,879
Отношение к неопределенным ситуациям	16,4 ± 5,3	17,0 ± 3,5	-0,50	0,620
Предпочтение неопределенности	15,3 ± 5,6	16,6 ± 2,0	-1,10	0,279
Толерантность/избегание неопределенности	20,7 ± 5,3	17,9 ± 5,8	1,90	0,063

Изучение характеристик социально-психологической адаптированности личности у студентов с высоким и средним уровнем готовности к риску выявило значимые различия ($p < 0,05$) по всем показателям, кроме стремления к доминированию (табл. 2), а корреляционный анализ

выявил значимые взаимосвязи ($p < 0,05$) между показателем готовности к риску и адаптацией ($r = 0,44$), самопринятием ($r = -0,49$), принятием других ($r = -0,38$), эмоциональным комфортом ($r = 0,50$), интернальностью ($r = 0,41$) и эскапизмом ($r = -0,37$).

Таблица 2

Характеристики социально-психологической адаптированности студентов в зависимости от уровня их готовности к риску

Показатели социально-психологической адаптации	Уровень готовности к риску		t-критерий Стьюдента	p-уровень значимости
	Средний	Высокий		
Адаптация	65,8 ± 9,5	77,0 ± 9,3	-3,68	0,001
Самопринятие	89,6 ± 6,9	79,0 ± 10,5	3,96	0,001
Принятие других	75,8 ± 10,7	66,1 ± 10,3	2,80	0,008
Эмоциональный комфорт	68,4 ± 13,1	85,2 ± 12,0	-4,13	0,001
Интернальность	85,0 ± 10,8	74,1 ± 7,7	3,34	0,002
Стремление к доминированию	51,7 ± 19,3	60,0 ± 10,8	-1,56	0,127
Уход от проблем (эскапизм)	14,6 ± 4,8	11,2 ± 4,5	2,24	0,031

Полученные результаты свидетельствуют о том, что при высоком уровне готовности к риску

студенты более адаптированы, оптимистичны и уравновешены в критических ситуациях, что

позволяет им не уходить от проблем, а решать их. Вместе с тем у студентов со средним уровнем готовности к риску хотя и выявлен меньший показатель адаптации, но он находится в пределах средних нормативных значений, что свидетельствует об их способности довольно успешно приспосабливаться к сложным ситуациям, связанным с риском. Однако они больше ориентируются на свои состояния (самопринятие), полагаются на лучшие человеческие качества других и не готовы пойти на конфликт и противостояние (принятие других), склонны принимать ответственность за происходящее (внутренний локус контроля), эти личностные характеристики способствуют успешной адапта-

ции к текущим ситуациям жизнедеятельности, но могут затруднять ее в ситуациях риска.

С целью раскрытия ресурсного потенциала изученных свойств студентов относительно их готовности к риску был проведен кластерный анализ полученных данных. Установлено, что структурные компоненты личностного потенциала могут выступать в качестве ресурса психологической готовности студентов к риску, так как все они попали в один кластер. Причем диада «готовность к риску - рациональность» разместилась в центре кластера и оказалась самой низкой в иерархии признаков, т.е. детерминирована характеристиками личностного потенциала (рис. 1).

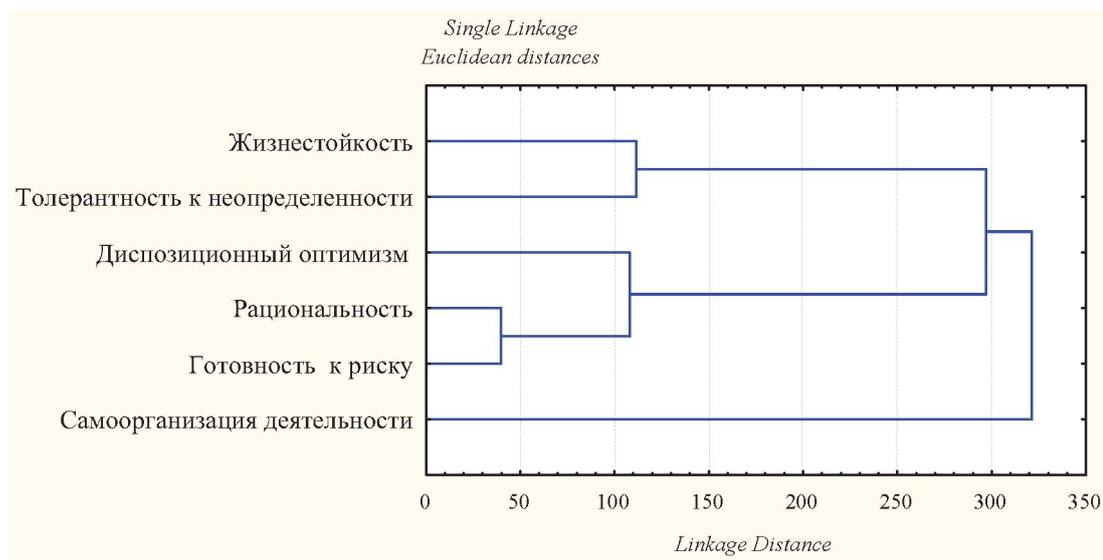

Рис. 1. Взаимосвязь компонентов личностного потенциала с психологической готовностью к риску у студентов

Судя по полученным результатам, диада «готовность к риску - рациональность» наиболее близка к диспозиционному оптимизму личности. Так как в совокупности эти признаки образуют мини-кластер, можно предположить, что склонность придерживаться позитивных ожиданий относительно своего будущего у студентов распространяется и на ситуации риска, и они готовы обдумывать свои решения и прилагать усилия, направленные на преодоление трудностей для достижения поставленных целей, стремясь к возможно более полной ориентировке в ситуации. Способствуют этому также жизнестойкость личности и ее толерантность к неопределенности - объединенные в диаду, они близки по иерархии к мини-кластеру «готовность к риску - рациональность» + «диспозиционный оптимизм». Жизнестойкость препятствует возникновению внутреннего напряжения в стрессовых ситуациях, связанных с риском, за счет стойкого совладания, а толерантность к неопределенности определяет способность личности переходить

от планов к действиям и переносить ситуации неопределенности и риска.

Самоорганизация деятельности наиболее «высокий» и отдаленный показатель в данной иерархии, но он объединяет все другие характеристики, выступая в роли системообразующего компонента, что является вполне закономерным, поскольку он определяет «структурирование личного времени, тактическое планирование и стратегическое целеполагание» [11, с. 87], а также способность проявлять волевые усилия для доведения принятого решения до конца, т.е. те характеристики личности, которые систематизируют ее поведение и деятельность, в том числе и в ситуациях риска.

Относительно характеристик социально-психологической адаптации личности можно сказать, что они могут рассматриваться как психологический ресурс ее готовности к риску (так как корреляционный анализ показал наличие значимых связей между готовностью к риску и большинством этих характеристик), но только в

комплексе друг с другом. Согласно данным кластерного анализа, диада «готовность к риску - рациональность» является отдельным кластером по

отношению ко всей совокупности характеристик социально-психологической адаптированности, которые составляют отдельный кластер (рис. 2).

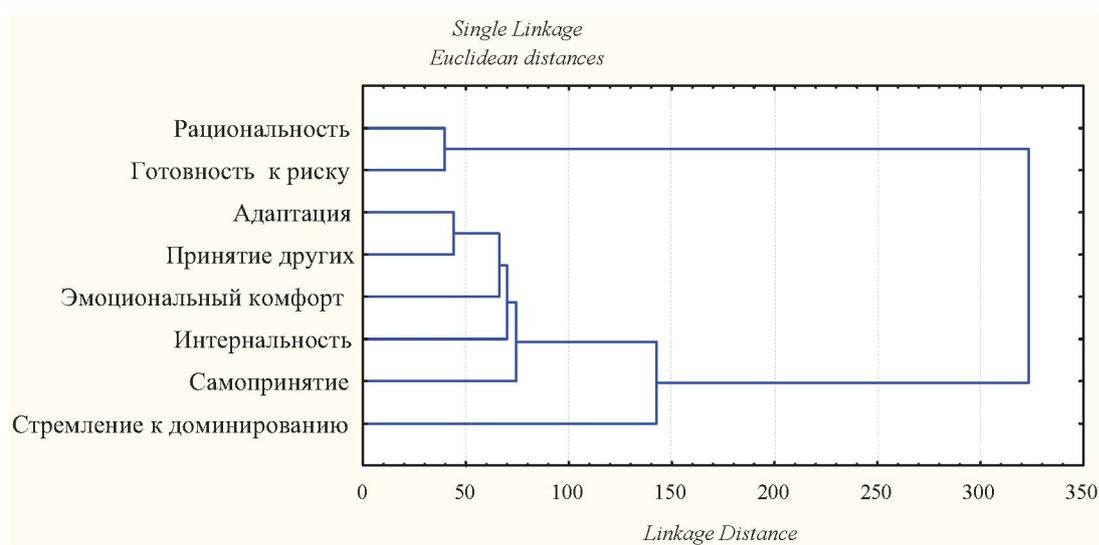

Рис. 2. Взаимосвязь характеристик социально-психологической адаптации с психологической готовностью к риску у студентов

В структуре социально-психологической адаптации наиболее близкими по иерархии к диаде «готовность к риску - рациональность» являются характеристики «адаптация - принятие других». Они влияют на готовность к риску опосредованно, в едином множестве с другими характеристиками, в совокупности которых роль систематизирующего компонента играет стремление к доминированию - именно через него этот кластер связан с кластером-диадой «готовность к риску - рациональность».

Заключение

На основе проведенного исследования было выявлено, что чем выше у студентов готовность к риску, тем в большей степени они воспринимают опасность как сложную задачу и испытание для себя и, активизируя волевые усилия, стремятся к ее преодолению на основе планирования поступков и действий. Снижение уровня готовности к риску меняет отношение студентов к опасности, которую они начинают рассматривать как возможность приобретения опыта и знаний, извлекаемых из него в процессе ее преодоления.

Структурные составляющие личностного потенциала «жизнестойкость», «толерантность к неопределенности», «диспозиционный оптимизм» и «самоорганизация деятельности» могут выступать в качестве ресурса психологической готовности студентов к риску. При этом самоорганизация деятельности является системообразующим компонентом, который не только

определяет отличия студентов по показателю «готовность к риску», но и систематизирует их поведение и деятельность в ситуациях риска.

Высокий уровень готовности к риску у студентов сочетается с повышенной способностью к адаптации и эмоциональным комфортом; выраженность свойств «интернальность», «принятие себя» и «принятие других» определяет социально-психологическую адаптированность личности, но может снижать ее в критических ситуациях, связанных с риском. В целом характеристики социально-психологической адаптации могут рассматриваться в качестве ресурса психологической готовности студентов к риску только в едином комплексе, где роль систематизирующего компонента играет стремление личности к доминированию.

Таким образом, выдвинутые нами предположения о том, что структурные составляющие личностного потенциала и свойства личности, обуславливающие ее адаптированность, могут выступать психологическими ресурсами, определяющими ее готовность к риску и способность к реализации осознанного контроля над преобразованием ситуаций риска своими решениями, подтвердились в результате проведенного эмпирического исследования на выборке студентов.

Библиографический список

1. Hobfoll S. E. Conservation of resource caravans and engaged settings // Journal of Occupational and Organizational Psychology. 2011. Vol. 84, iss. 1. P. 116-122.

2. Агузумян Р. В., Мурадян Е. Б. Психологические аспекты безопасности личности // Вестн. практ. психологии образования. 2009. № 1 (18). С. 43-47.
3. Соловьева С. Л. Ресурсы личности. Медицинская психология в России. 2010. № 2 (3). URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_2_3/nomer/nomer02.php (дата обращения: 20.03.2015).
4. Виноградов Г. А., Сашилов Т. П. Развитие психологических ресурсов студентов-первокурсников (на примере студентов-социологов) // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2009. Т. 11, № 4 (6). С. 1481-1488.
5. Молокостова А. М. Социальные риски в профессиональном развитии : теоретический обзор и подходы к изучению // Фундаментальные исследования. 2013. № 11. С. 1720-1727.
6. Бочарова Е. Е. Готовность к риску в соотношении с характеристиками осознанной саморегуляции и субъективного благополучия личности // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2011. Т. 11, вып. 4. С. 59-63.
7. Ручкина М. В. Субъект риска : философский и междисциплинарный дискурс // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. Вып. 77. С. 155-161.
8. Леонтьев Д. А. Введение : личностный потенциал как объект изучения // Личностный потенциал : структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 5-11.
9. Леонтьев Д. А., Мандрикова Е. Ю., Рассказова Е. И., Фам А. Х. Личностный потенциал в ситуации неопределенности и выбора // Личностный потенциал : структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 511-545.
10. Гордеева Т. О. Оптимизм как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал : структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 131-177.
11. Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД) // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 87-111.
12. Тавилова Н. Н. Личностный потенциал как фактор успешной реализации кадровой стратегии // Психология в России и за рубежом : материалы II междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, ноябрь 2013 г.). СПб., 2013. С. 98-103.
13. Александрова Л. А. Адаптация к трудным жизненным ситуациям и психологические ресурсы личности // Личностный потенциал : структура и диагностика / под ред. Д. А. Леонтьева. М., 2011. С. 547-578.

Personal Potential and Socio-Psychological Adaptation as a Resource of Psychological Readiness to Take Risks

Irina V. Arendachuk

Saratov State University
83, Astrakhanskaya str., Saratov, 410012, Russia
E-mail: arend-irina@yandex.ru

The article meaningfully analyses the concepts of the personal potential and the socio-psychological adaptation in correlation with the psychological readiness of the person to take the risk in ado-

lescence. It demonstrates the results of empirical research, carried out using a sample group of students from the universities of city of Saratov - Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky and Saratov State Medical University named after V. I. Razumovsky (N = 77, age 19-22 years). Methods that were used: «Personal factors of decision-making» (LFR-25 T. V. Komilova), «Diagnosis of socio-psychological adaptation» (K. Rogers, R. Diamond), «The test of dispositional optimism» (M. Scheuer, C. Carver, in adaptation of T. S. Gordeeva, O. A. Sychev and E. N. Osin), «The test of resilience» (S. Muddy and in adaptation of D. A. Leontiev and E. I. Rasskazova), «The scale of total tolerance to uncertainty» (D. MacLean, in adaptation of E. N. Osin), «Self-activity questionnaire» (E. J. Mandrikova). Differences in indexes of personal potential socio-psychological adaptation of young men are analyzed according to the level of their readiness to take the risk. The article shows, that the structural components of personal potential and the socio-psychological adaptation of young men perform as psychological resources of students readiness to risk. Applied aspects of the problem could be implemented in the educational process of higher education, in the psycho-pedagogical support of personal and professional development of students.

Key words: personal potential, socio-psychological adaptation, psychological readiness to take the risk, psychological resources of a person.

References

1. Hobfoll S. E. *Conservation of resource caravans and engaged settings. Journal of Occupational and Organizational Psychology*. 2011, vol. 84, iss. 1, pp. 116-122.
2. Aguzumtsyan R. V., Muradyan E. B. Psikhologicheskie aspekty bezopasnosti lichnosti (Psychological aspects of personality's security). *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya* (Herald of Applied Psychology of Education), 2009, no. 1 (18), pp. 43-47 (in Russian).
3. Solov'eva S. L. Resursy lichnosti (Personality's resources). *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii* (Medicinskaa psikhologia v Rossii), 2010, no. 2 (3). Available at: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_2_3/nomer/nomer02.php (accessed 20 March 2015).
4. Vinogradov G. A., Sashilov T. P. Razvitie psikhologicheskikh resurov studentov-pervokursnikov (na primere studentov-sotsiologov) (Development of first-year students' psychological resources (by example of students-sociologists)). *Izv. Samar. nauch. tsentra Ros. akademii nauk* (Proceedings of the RAS Samara Scientific Centre), 2009, vol. 11, no. 4 (6), pp. 1481-1488 (in Russian).
5. Molokostova A. M. Sotsial'nye riski v professional'nom razvitii: teoreticheskiy obzor i podkhody k izucheniyu (Social risks in professional development: theoretical review and approaches to learning). *Fundamental'nye issledovaniya* (Fundamental research), 2013, no. 11, pp. 1720-1727 (in Russian).
6. Bocharova E. E. Gotovnost' k risku v sootnesenii s kharakteristikami osoznannoy samoregulyatsii i sub"ektivnogo blagopoluchiya lichnosti (Risk readiness in ratio with characteristics of personality's realized self-regulation and subjective well-being). *Izv. Saratov Univ. (N.S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2011. vol. 11, iss. 4, pp. 59-63 (in Russian).
7. Ruchkina M. V. Sub"ekt riska: filosofskiy i mezhdistsiplinarnyy diskurs (Subject of risk: philosophic and

- inter-discipline discourse). *Izv. Ros. gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena* (IZVESTIA: Herzen University Journal of Humanities and Sciences), 2008, iss. 77, pp. 155-161 (in Russian).
8. Leont'ev D. A. Vvedenie: Lichnostnyy potentsial kak ob'ekt izucheniya (Introduction: Personal potential as object of learning). *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* (Personal potential: structure and diagnostic). Ed. by D. A. Leont'ev. Moscow, 2011, pp. 5-11 (in Russian).
 9. Leont'ev D. A., Mandrikova E. Yu., Rasskazova E. I., Fam A. Kh. Lichnostnyy potentsial v situatsii neopredelenosti i vybora (Personal potential in situation of uncertainty and choice). *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* (Personal potential: structure and diagnostic). Ed. by D. A. Leont'ev. Moscow, 2011, pp. 511-545 (in Russian).
 10. Gordeeva T. O. Optimizm kak sostavlyayushchaya lichnostnogo potentsiala (Optimism as component of personal potential). *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* (Personal potential: structure and diagnostic). Ed. by D. A. Leont'ev. Moscow, 2011, pp. 131-177 (in Russian).
 11. Mandrikova E. Yu. Razrabotka oprosnika samoorganizatsii deyatel'nosti (OSD) (Working out checklist of self-organization of activity(CSA)). *Psikhologicheskaya diagnostika* (Psychodiagnosis), 2010, no. 2, pp. 87-111 (in Russian).
 12. Tavtilova N. N. Lichnostnyy potentsial kak faktor uspekhov realizatsii kadrovoy strategii (Personal potential as factor of successful realization of personnel strategy). *Psikhologiya v Rossii i za rubezhom: materialy II mezhdunar. nauch. konf. (Sankt-Peterburg, noyabr' 2013 g.)* (Psychology in Russia and abroad: materials of the 2nd international scientific conference (St.-Petersburg, 2013 November)). St.-Petersburg. 2013, pp. 98-103 (in Russian).
 13. Aleksandrova L. A. Adaptatsiya k trudnym zhiznennym situatsiyam i psikhologicheskie resursy lichnosti (Adaptation to difficult life situations and personality's psychological resources). *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika* (Personal potential: structure and diagnostic). Ed. by D. A. Leont'ev. Moscow, 2011, pp. 547-578 (in Russian).

УДК 316.6

СОВРЕМЕННЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РАЗНЫХ ЭТНИЧЕСКИХ ГРУПП

А. Р. Вагапова

Вагапова Альфия Равиловна - кандидат психологических наук, доцент, кафедра социальной психологии образования и развития, Саратовский государственный университет, Россия
E-mail: Al_fiya@bk.ru

Изложены теоретические основания изучения репрезентации социально-политических явлений и проблем у представителей разных этнических групп. Показано, что конструирование социальных представлений о социально значимых явлениях и острых проблемах общества обусловлено не только внутренними факторами жизнедеятельности социальных групп, но и различными внешними факторами (экономико-политические, демографические факторы, макropsихологическая ситуация и многие другие). Представлены результаты эмпирического исследования, выполненного на выборках двух этнических групп ($N = 30$; средний возраст 31 год) с применением авторского опросника, методов контент-анализа. Выявлены существенные различия в групповых репрезентациях, отражающие подобие и рассогласование в проявлении актуальности, значимости социально-политических явлений и их характеристик. Прикладной аспект данной работы может быть реализован в консультативной практике психологических служб, а также в разработке программ молодежной политики.

Ключевые слова: социальные представления, социально-политические явления, этнические группы.

DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-3-226-231

Введение

На протяжении своей жизни люди постоянно сталкиваются с разными аспектами и последствиями происходящих в стране социально-по-

литических процессов, поэтому закономерен возникающий у исследователей интерес к изучению представлений современного человека об этих явлениях, а также меры и степени их понимания, глубины осознания.

Сложность для максимально объективного представления о социально-политических явлениях связана с тем, что они затрагивают каждого человека, но в то же время удалены от непосредственного восприятия во времени и пространстве: во времени потому, что многие явления настоящего обусловлены событиями исторического прошлого, в пространстве - так как решающие факторы общественно-политической жизни - динамика макроэкономических процессов, отношений между большими социальными группами, деятельность органов власти и принятие политических решений - находятся вне сферы непосредственного наблюдения большинства индивидов. Между тем причинно-следственные связи социально-политических явлений - совершенно необходимый элемент их познания: понимания таких связей требует, прежде всего, прагматическая ориентация данного вида познания [1].

Для нашей страны параметры «время и пространство» играют важную роль. С исторической точки зрения социально-политические процессы складывались, воспринимались и происходили не всегда однозначно. Например, реформы, ко-